Они все притворялись, прикрывали друг другу глаза и свои горькие раны, чтобы поселиться в реальности. Чего стоит только их «мать».

А Кэвелл и Эрих? Ведь им всё ещё нужна мать. Он не знает, что делать, чтобы вылезти из этого. Ему предлагают просто притворяться, что ничего не знает?

— Хорошо, Юджин?

Но Юджин не смог ничего сказать в этот раз.

— Да, мама.

Мать, которая улыбается ему также ярко, как и цветок, — это действительно....

Она выглядит очень счастливой, что отдаётся ему в самое сердце...

Юджин пробрался в комнату матери и вынес оттуда жёлтую конфету.

— Э-э, это ела Арина, — сказал Кэвелл.

Так что теперь её некому есть. Он нашел её как можно быстрее, и его беспокоило, что в местах, которые он не смог найти, могут быть спрятаны ещё конфеты.

Хотя отец сказал, что постарается остановить это, но далее следуют слова о том, что если есть риск, что Хари придётся это съесть из-за матери, то Юджину следует просто оставить это и ничего не говорить.

Но Юджин не мог позволить Хари съесть конфету. Может быть, она еще не пробовала её?..

— Эй, ребята, вы готовы?

Затем он услышал, как его мать издали зовёт их. Сегодня был день, когда все члены семьи решили выйти в город.

— Кэвелл, ты спускаешься первым.

Кэвелл первым спустился по лестнице. Позже Юджин начал спешно разбираться с конфетами.

— Из-за того, что здесь так много людей, легко заблудиться, поэтому вам двоим стоит взяться за руки и идти. Хари, должно быть, хорошо привязалась к своему брату.

Они шли молча, глядя вперед, держась за руки в белых варежках. Хари тоже, кажется, было уютно.

Вдруг перед его лицом пронеслись воспоминания сегодняшнего утра, счастливое лицо матери и чёртовы жёлтые конфеты...

— Даже сейчас...

Сейчас вокруг него возникают самые разные ненормальные ситуации.

— Ты всё ещё хочешь вернуться туда, где была?..

Он не знал, почему спрашивает. Хари подняла на него глаза, словно не услышала сказанное им предложение. Юджин пожевал свои тонкие губы и снова спросил:

— Ты всё ещё хочешь вернуться туда, где была?..

— Да, я хочу вернуться.

Ответ прозвучал быстро. Между ними по-прежнему стояла тишина. Только они двое были спокойны, в то время как вокруг всё бурлило.

Да... Это было ненормально. Конечно, она хочет вернуться. В это время она почти одержима тревогой.

Если она хочет вернуться туда, где жила, то лучше отпустить её прямо сейчас.

«Так будет лучше для всех нас».

Он так и думал.

«Вуш».

Именно в этот момент он отпустил руку, которую до этого держал. Через мгновение из его ладони ушло тепло.

Юджин шёл, не оглядываясь. Его толкало столько людей, что он не желал оглядываться, пока не выберется из толпы.

И вот, наконец, выйдя на улицу чуть раньше, Юджин вдруг перестал идти посреди дороги.

Ха-ха-ха. Шум, издаваемый людьми, жалит ему уши. Хари не окликала его, когда он оставлял её одну. Значит, вот оно что? Неужели?

Всё это было так просто, что казалось нереальным. Но почему он так себя чувствует? Почему... почему... почему он будто потерялся посреди этой дороги...

— Эй, ты в порядке?

Внезапно Юджин удивился и поднял голову на звук, который услышал перед собой. Он странно выглядел посреди дороги в одиночестве.

Несколько мужчин и женщин, которые казались парой, смотрели на него и выглядели обеспокоенными. Это было похоже на то, как если бы ты увидел ребёнка, который остался один без родителей.

С ним впервые обращались как с ребёнком, поэтому Юджин на мгновение потерял дар речи.

Он, как ни в чём не бывало, вышел на улицу и побежал прочь, но в конце концов не смог уйти далеко и сел, прислонившись к стене.

Тогда Юджин действительно сжал своё тело, словно ребёнок, и зарыл лицо в дрожащие руки. Звук, который он издавал, тёрся о горло и вытекал наружу.

Что произошло сейчас? Что, чёрт возьми, он натворил?

Он не мог понять, чем сейчас занимается. На самом деле видимая истина была предельно проста.

Она заключалась в том, что он отпустил руку, которую держал, но смысл в ней был, конечно, не того веса.

— Кх...

Из его груди вырвался крик боли. Оба его глаза опухли, а сердце застучало так же быстро, как в спринте. Всё его зрение потемнело.

Даже шум, который до сих пор наполнял его, исчез, словно его смыло, и казалось, что он один провалился в незнакомое пространство без гравитации.

Юджин открыл рот и задышал. Зрачок, казалось, поднимался и опускался, как будто его заклинило в глазах.

Когда он вспоминал, что только что сделал, ему было страшно, но по-настоящему его пугало то, что он сделал. Он действительно был таким ужасным человеком.

Разве не только жалкое человеческое существо способно на такое? «Я хочу вернуться» было единственным словом.

В то же время он с нетерпением ждал рационального самооправдания.

Он не знает точно, где жила Хари, но Юджин знал, как это было. Поэтому он пытался убедить себя, что лучше отпустить её.

Вместо того чтобы дать тёплый дом, свежее испечённый хлеб и красивую одежду... Он даже не знал, о чём думает в этой глуши.

Она получила то, что хотела, поэтому не надо за это платить. Но ребёнок сказал, что хочет вернуться.

Даже если цветы все засохли, трудно даже съесть одну порцию, не продавая их, словно умоляя людей. Если так, то это, скорее всего, означало, что нынешняя жизнь была для неё такой же тяжёлой.

До такой степени они ужасные люди, что заставляют её думать, что лучше бы ей вернуться в прежнюю жизнь.

«Брат Юджин».

С этой мыслью Юджин начал чувствовать себя ещё более ужасно. Он согнул колени и зарылся лицом в землю.

Словно пытаюсь спрятаться от этого мира, чтобы никто не смог его увидеть. Проецируя погибшую Арину на себя, на ребёнка, которому от злости некуда деться.

Во всём этом были виноваты люди Эрнст. На самом деле она не делала с ними ничего плохого. А вот он был рядом. Если бы только он мог сказать, что это неправильно. Это не было бы виной Хари.

Тем не менее ребёнок никогда даже не обижался на них за то, что они причиняют ей страдания.

Потому что она не знает правды, может быть, даже не понимала, почему он первым оставил руку, словно убегая от Хари.

В каком-то смысле Юджин, решивший взять на себя всю ответственность за семью, должен был заботиться о брате, а он делал вид, что не несёт ответственности за их ошибки.

С самого начала его младшие братья делали вид, что не понимают, что натворили, и считая себя должными пытаться как-то разрешить сложившуюся ситуацию, издеваясь над невинным ребёнком.

— Ха.

Внезапно будто сухой мышьяк прошёлся по губам и потёк. Возможно, сейчас он действительно был ужасен. Может быть, неправ был только он сам?

Он отвернулся от ситуации перед глазами, так как это было удобно, и отказался от слов о том, что это было неизбежно.

Притворялся хорошим сыном, притворялся заботливым старшим братом, притворялся взрослым, а на самом деле всё это было слишком тяжело для всё ещё ребёнка, и он захотел убежать.

Правильно. В конце концов он захотел убежать и отпустить маленькую руку, которая держала его.

«Поступить так — лучший выход для всех». Как он мог только допустить такое корявое оправдание в свою сторону?

— Милый, ты заболел? Где твои родители?

Это спросил кто-то, кто подошёл к нему, когда он прижался к стене. Вместо ответа Юджин встал со стены, поморщившись.

Дама, увидевшая лицо Юджина, забеспокоилась ещё больше и снова спросила:

— Если что-то случилось, я помогу. Тебя сопровождает кто-нибудь из взрослых?

— Мне нужно найти свою сестру.

— О-о-о. Ты так выглядишь, потому что потерял сестру. О боже!

Юджин вернулся на дорогу, которую старался до этого игнорировать, даже голос, звавший его позади, остался проигнорированным.

Вокруг него снова раздался громкий шум, и мимо прошло множество других людей. «Пожалуйста, останься там», - много раз отчаянно думал Юджин, бегая и чувствуя, как не хватает ему дыхания в лёгких. И наконец, Юджин быстро заметил её, сидящую на ящике.

Он двигался медленно, чувствуя, что его шаг становится горячим.

Один шаг. Ещё один шаг.

Каждый раз, когда он шёл вперёд, чувство тревоги от потерянного ребенка стало от него отходить.

Вместо неё начинает прорастать что-то новое...

— Пойдём, — сказал Юджин ребёнку, который смотрел на него так, словно ждал. О, как он может выразить настроение этого момента?

— Ты там был?

Возможно, он никогда не забудет сегодняшний день до самой своей смерти.

— Я там был.

Он словно вернулся в тот день, когда родился и пережил бесчисленное количество эмоций, которые, казалось, умирали и сворачивались вокруг его органов, сжимая в тиски.

И в тот момент, когда он снова встретился с этой маленькой рукой, которую вложил в свою ладонь, стало очевидно, что он продолжал бы жить с сердцем на груди.

— У меня болят ноги.

Юджин поднял её и пошёл назад, туда, где должна была находиться их семья. Сзади он услышал негромкое бормотание.

Это был неясный шепот, по которому он не мог определить, разговаривает ли она сама с собой, будто снова сидит одна в этом месте и ждёт его.

— Ты выглядишь неуютно.

— Шумно.

Теперь солнце начало оседать на землю. Тени, созданные двумя дураками, тоже тянулись к полу.

На этой дороге Юджину захотелось немного поплакать, но поскольку он думал, что она этого не заслуживает, он снова оттолкнулся спиной и продолжил идти.

— Прости меня.

После того как он импульсивно выдавил изо рта это короткое слово, он не смог выдержать, чтобы не продолжить:

— Мне жаль.

Она ничего не сказала. Юджин смог ещё раз повторить слова извинений.

Он говорил до тех пор, пока удушающие чувства вины и тревоги не стали легче.

Трусливые извинения, не дошедшие до чужих ушей.

<http://tl.rulate.ru/book/27823/648642>